

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экспертно-аналитическая справка
апрель - 2025 года

Резюме

В настоящем экспертно-аналитическом материале на основе мониторинга открытых источников информации в сети «Интернет»¹ проведен комплексный анализ социально опасных резонансных событий, имевших как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и миграционное основание (т.е. «антимиграционную» риторику), в числе прочих последствий, получивших негативный отклик в российском информационно-медийном пространстве в апреле 2025 г.

Введение

Поддержание баланса и согласия в межэтнических отношениях остается ключевым приоритетом российской государственной политики, в особенности – при протекающих деструктивных процессах во всем мире, связанных с крайне нестабильной международной военно-политической обстановкой и гибридной войной, развязанной против России. В этой парадигме актуализация «спящих» или формирование совершенно новых очагов этнополитических противоречий (в т.ч. религиозных и/или этнорелигиозных) в разнообразных регионах России – не просто локальная проблема для государства и общества, а угроза основам российской государственности – ее суверенитету, которая способна дезинтегрировать политико-гражданскую (общегражданскую) идентичность многонационального российского общества.

Комплексный и систематический анализ информационного пространства по контурам межнациональных, межрелигиозных и миграционных процессов и отношений – неотъемлемый компонент государственной управленческой стратегии по предотвращению социальных кризисов и конфликтов на почве национальной и религиозной принадлежности, имеющих весьма существенное измерение в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В настоящее время, релевантные задачи анализа состоят в ранней диагностике очагов социальной (социально-политической) напряженности путем идентификации латентных конфликтов (спору о землепользовании, языковая политика, дискриминационные практики – проявления бытовой ксенофобии, национализма) до их перехода в открытую фазу борьбы; прогнозировании вероятных «точек кипения» – через оценку влияния внешних и внутренних стимулов и факторов (миграционные потоки, экономические дисбалансы) на взаимоотношения между разнообразными социальными общностями; выработка ситуативных мер, в частности адаптация государственной

¹ *Справочно.* В данном экспертно-аналитическом материале под источниками информации понимаются: порталы информационных агентств; сетевые СМИ; ресурсы традиционных СМИ в сети «Интернет»; онлайн справочники (словари, энциклопедии); социальные медиа (социальные сети – коммуникационные сети, блоги, видео-хостинги, форумы (тематические форумы, региональные и/или городские форумы), электронные неофициальные СМИ).

Примечание. Значительный объем информационных поводов и трендов в российском медиапространстве, имеющих разнообразную тональность, содержание и коннотацию (позитивную / нейтральную / негативную) формируется в кроссплатформенном мессенджере «Telegram», в т.ч. по межнациональным и межрелигиозным отношениям, а также миграционным процессам.

национальной политики под формирующиеся тренды с учетом базовых интересов государства и общества.

Разработка методологии мониторинговых исследований и комплексного анализа межэтнических и межрелигиозных отношений, а также миграционной обстановки является первичным этапом на пути необходимой синергии двух ключевых субъектов: *экспертного сообщества*, обеспечивающего научную проработку – базу, т.е. создание индикаторов риска, алгоритмов анализа big data, ресурсов в сети «Интернет», соцсетей и медиа, этнопсихологических моделей поведения и т.д., и *государственных институтов*, которые внедряют разработанный экспертным сообществом инструментарий в управленческие процессы: от интеграции данных в систему принятия решений до организации межведомственных рабочих групп. Ключевые методы в арсенале мониторинга:

1) «срез» информационного пространства сети «Интернет» по наиболее резонансным (негативным) событиям в анализируемой сфере;

2) социодинамическое картографирование – визуализация этнополитической ситуации в регионах через геоинформационные системы и платформы;

3) экспертные панели – регулярные опросы исследователей – социологов, этнологов, религиоведов, политологов и лидеров общественного мнения для оценки текущей «температуры» межгрупповых отношений и в целом социального климата в российском обществе;

4) сценарное моделирование – прогнозирование траекторий развития или последствий тех или иных государственно-управленческих решений (например, ужесточение миграционного законодательства, корректировка правового положения этнических диаспор и т.д.) на социальную стабильность.

Очевидно, что эффективность политики поддержания межэтнического и межрелигиозного мира и согласия коррелирует с необходимостью перехода от реактивного к опережающему управлению, где экспертный анализ и мониторинг становятся не бюрократической процедурой, а живым инструментом диалога между органами власти, науки и общества (средством «обратной связи»), что, в свою очередь, способно сохранить единство, не подавляя этнорелигиозного многообразия – системообразующего актива современной российской культурно-цивилизационной модели.

Таким образом, актуальность исследования и прогнозирования динамики межэтнических, межрелигиозных и миграционных процессов в России (за апрель 2025 г.) состоит в необходимости выявления формирующихся тенденций и устойчивых закономерностей в анализируемой области, оценки результатов государственной национальной и миграционной политики, прогнозирования и моделирования потенциальных сценариев развития критических ситуаций.

Задачи настоящего исследования (экспертно-аналитического материала) включают:

1. Прогноз эскалации конфликтов – анализ резонансных событий апреля 2025 г. (факты межэтнических столкновений, миграционные кризисы, акты религиозного и/или национального экстремизма, сепаратизма, проявлений

ксенофобии) для определения возможных траекторий их развития, включая каскадный эффект (цепную реакцию схожих инцидентов).

2. Выявление корреляционных связей – установление взаимозависимостей между текущими и ранее зафиксированными событиями и явлениями, которые влияют на социально-политическую стабильность. При этом важно учитывать, что корреляция не тождественна причинности: связь может опосредоваться внешними факторами (среди них – экономическая нестабильность, геополитическое положение, цифровизация информационного пространства).

Резонансные события – триггеры, формирующие общественную повестку через медиа (например, конфликты на бытовой почве, скандалы в диаспорах, дискуссии о миграционных квотах и массовой выдаче жилищных сертификатов уроженцам среднеазиатских республик). К базовым характеристикам резонансных событий в разрезе мониторинговых наблюдений в апреле 2025 г. следует отнести: экспансивность – «эмоциональную заряженность», провоцирующую поляризацию мнений в обществе; трансформацию этноконфессиональных стереотипов в массовом сознании; способность запускать «волновые» процессы (например, рост ксенофобии после локального инцидента).

Методологическая основа экспертно-аналитического исследования и анализа межэтнических, межрелигиозных и миграционных процессов в России в апреле 2025 г. состоит, во-первых, в анализе временных рядов, т.е. оценки частоты и интенсивности событий до/после инцидента; во-вторых, медиадиагностике – контент-анализ СМИ и соцсетей для выявления доминирующих нарративов и их влияния на общественные настроения; в-третьих, социометрии в части замера изменений в установках различных групп (этнические сообщества, мигранты, религиозные объединения).

Ключевые принципы интерпретации данных – это контекстуальность, когда региональная специфика способно воздействовать на смену вектора последствий (например, миграционный кризис в г.Ставрополе и г.Москве воспринимается через призму разных экономических реалий); роль субъектов влияния (действия власти, лидеров общественного мнения или иностранных «игроков» способны как нивелировать, так и усугублять развивающиеся конфликты); комплексность факторов, когда исторические предпосылки, контекст, цифровые технологии, демографические тренды требуют интегративного анализа.

Прогностическая модель в данной работе носит вероятностный характер, так как зависит от таких переменных как эффективность законодательных инициатив в сфере миграции, корректировка глобальных и региональных угроз, вызовов и рисков (специальная военная операция, гибридная война против России, санкционное давление на нее, вынужденная миграция – беженцы), способности институтов гражданского общества к медиации конфликтов.

Таким образом, исследование направлено не только на фиксацию текущих вызовов, но и на разработку превентивных мер, укрепляющих межгрупповой диалог и снижающих риски дестабилизации в поликультурном обществе.

Обзор обстановки

Анализ состояния межнациональных и межрелигиозных отношений, миграционной повестки в России в апреле 2025 г. требует рассмотрения и учета, помимо самих резонансных событий, ключевых факторов, включая внутреннюю политику, экономические условия, социальные динамики и международный контекст. В условиях усиливающейся глобализации обостряются вопросы, связанные с межэтническими и межконфессиональными взаимодействиями, что требует особого внимания как со стороны государства, так и общества. Игнорирование подобных проблем и нарастающее недовольство по отношению к мигрантам могут перерасти в проявления национализма, способные повлечь за собой серьёзные последствия. Эффективным решением видится активизация работы органов местного самоуправления, а также разработка и реализация программ, способствующих развитию толерантного общественного сознания и формированию доброжелательной атмосферы между местным населением и мигрантами. В свою очередь, мигранты должны уважать установленные в обществе нормы и ценности, строго следовать законам страны пребывания.

Глобализация – источник значительных вызовов для традиционного мирового порядка, приводящий к активному расширению экономических, политических и культурных связей между странами и народами. На фоне неравномерного развития различных регионов весьма обострились вопросы межнациональных взаимодействий. Массовый приток мигрантов в экономически развитые государства, особенно в страны Западной Европы, поставил перед правительствами сложную задачу по обеспечению их интеграции. Эти трудности актуальны и для Российской Федерации – страны с исторически сложившейся многонациональной и многоконфессиональной структурой. Несмотря на внешне более благоприятную культурную среду для адаптации приезжих, восприятие данной проблемы как несущественной лишь затрудняет ее глубокое понимание и тормозит поиск эффективных решений.

Современная Россия, будучи частью глобального сообщества, сталкивается с общими для всего мира вызовами и вынуждена оперативно реагировать на них. Поддержание межнационального согласия, мира и создание комфортной среды для интеграции мигрантов – важнейшие условия устойчивого развития России, особенно на фоне протекающих быстротечных процессов международного плана: санкционной политики коллективного Запада в отношении России, современной военно-политической обстановки и гибридной войны в целом, развязанной против Российского государства. Основная ее цель – дестабилизировать внутри социальную обстановку в России, ослабить страну, атомизировать ее социум, разобщить единую общегражданскую общность по национальным, религиозным и другим социальным основаниям.

Еще в недавнем прошлом вопросы толерантности не вызывали серьезных опасений: в советский период дружба народов была частью государственной идеологии. Однако после распада СССР необходимость формирования культуры терпимости стала одной из важнейших задач современной России в одном ряду с

важностью обеспечения национальной безопасности, где усилия по интеграции и адаптации мигрантов не должны наносить ущерб делу сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Проблемы межэтнических конфликтов, причины их возникновения и обострения находятся в центре внимания как государства, так и общественных организаций и институтов.

Систематически реализуются исследования и практические программы, направленные на повышение уровня гражданской ответственности и развитие толерантного сознания. Несмотря на проделанную работу, полностью преодолеть межнациональные разногласия пока не удалось. Нельзя не отметить высокую заинтересованность внешних деструктивных сил в активной раскачке национального вопроса в России, инспирируя различного рода информационные провокации и дискредитации.

Остро стоит задача формирования толерантного мышления в свете неудачного опыта европейских стран в области ассимиляции мигрантов, что подчеркивает важность системного подхода к интеграционной политике и межкультурному диалогу в условиях современной многообразной России.

Сегодня межэтнические конфликты – реальность, которую невозможно игнорировать в современной России. За последние десятилетия страна неоднократно становилась ареной острых межнациональных столкновений: достаточно вспомнить беспорядки на московских рынках в 2001 г., трагические события в Сагре (Свердловская область) в 2011 г., беспорядки в Дагестане в октябре 2023 г. Эти инциденты, охватывающие самые разные регионы, подтверждают, что межнациональное напряжение сохраняется, хотя его масштаб не столь велик, как в ряде западноевропейских стран. Для купирования подобных конфликтов предпринимаются определенные шаги на уровне государства и гражданского общества. Однако существующие меры пока не дают полного эффекта. Поэтому сегодня особенно актуален вопрос о стратегии, которую должны применять органы местного самоуправления. Один из них – изоляционизм, предполагающий резкое сокращение или полное прекращение миграционных потоков. Однако подобная стратегия не только нежизнеспособна в открытом демократическом обществе, но и противоречит интересам социально-экономического развития. Альтернативой может быть политика игнорирования, при которой властные структуры реагируют только на уже произошедшие инциденты. Такая пассивность была заметна, например, в отношении миграции из Китая в 1990-х, когда спад потока был воспринят как повод к самоуспокоению. Но с ростом миграции из Средней Азии проблема вновь обострилась и требует системного и оперативного реагирования.

Наиболее сбалансированной и перспективной представляется стратегия управления миграционными процессами, исходящая из понимания неизбежности и даже полезности миграции как ресурса для развития. Однако такая стратегия требует комплексного подхода и продуманных шагов.

На муниципальном уровне эта модель может включать:

– постоянный мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений;

- формирование целостной системы адаптации мигрантов, включая культурную интеграцию и правовое просвещение;
- содействие созданию национально-культурных центров и общественных организаций этнических групп;
- проведение культурных мероприятий, направленных не столько на демонстрацию различий, сколько на поиск общих ценностей и интересов;
- взаимодействие с прессой для объективного освещения этнических тем, недопущение стереотипизации и дискриминационной риторики;
- формирование народных дружин с участием представителей диаспор для поддержания порядка;
- строгий контроль за соблюдением законодательства при приобретении недвижимости представителями этнических групп.

Важную роль в реализации этих мер играют СМИ, которые должны не разжигать рознь, а формировать культуру уважения и терпимости. Немалое значение имеет и кадровая политика – в работу по межнациональному взаимодействию необходимо привлекать компетентных специалистов, которые подготовлены к аналитической и правозащитной деятельности в этой области.

Без объединения усилий власти, системы образования и гражданского общества любые меры останутся разрозненными и неэффективными. Только совместная работа этих институтов способна обеспечить формирование устойчивой культуры взаимного уважения – как со стороны мигрантов к традициям принимающего общества, так и со стороны коренного населения – к новым культурным группам.

Несмотря на предпринимаемые меры, внутри страны сохраняется ряд серьезных вызовов, среди которых – социальное и экономическое неравенство, низкий уровень правовой осведомленности населения и ограниченная активность региональных властей в решении межэтнических и межрелигиозных проблем на местах. Для эффективного реагирования на эти угрозы необходима скоординированная и системная работа: расширение участия муниципальных структур, внедрение цифровых систем мониторинга и укрепление взаимодействия между различными ведомствами.

Так, одним из ключевых направлений стабилизации межнациональной ситуации является развитие правового просвещения, адаптация регионального законодательства к современным вызовам, а также более активное привлечение общественных организаций к выполнению посреднической функции. Поддержка этого подхода оправдана: только целостная стратегия, объединяющая профилактические меры, открытый диалог и жёсткое противодействие экстремизму, способна укрепить устойчивость российского общества и создать основу для стабильного межнационального взаимодействия в условиях растущей глобальной нестабильности. Тематика миграции по-прежнему остаётся в центре внимания российских СМИ, общественности и государственных структур. Особый акцент делается на вопросы социокультурной адаптации мигрантов, их интеграции в правовое и социальное пространство страны, а также на рост правонарушений со стороны иностранных граждан, преимущественно трудовых

мигрантов. При этом часть межнациональных и межконфессиональных напряжённостей вызвана внешними факторами, которые требуют глубокого анализа их происхождения и воздействия на внутреннюю обстановку.

Современная военно-политическая обстановка и продолжающееся геополитическое противостояние, в том числе в рамках специальной военной операции, предопределяют особую значимость задач, связанных с укреплением межнационального согласия и религиозной терпимости. Важным направлением становится организация постоянного анализа и мониторинга процессов в данной сфере для оперативного выявления и нейтрализации потенциальных конфликтных ситуаций на ранней стадии.

Результаты наблюдений последних месяцев показывают, что система межнациональных отношений в России отличается высокой степенью сложности и подвержена влиянию множества внутренних и внешних факторов. Дисбаланс между ними может стать толчком к острым противоречиям, угрожающим устойчивости политической системы и общественной безопасности. Изучение этих явлений требует всестороннего подхода, включающего в себя анализ историко-культурных, политических и социальных особенностей российского общества, а также понимание глобальных и региональных геополитических тенденций.

В анализируемом отчетном периоде этнорелигиозная напряженность в России формировалась: усилением антироссийской деструктивной деятельности ряда зарубежных интернет-ресурсов, за которой последовал [призыв депутата Госдумы России А. Лугового признать нежелательным и заблокировать интернет-ресурсы турецкого издания «Yeni Şafak» на территории России](#); [активизацией этнической и националистической мобилизации в медиапространстве Башкирии](#); вмешательством [армянской диаспоры г. Ростове-на-Дону в уголовное дело](#) в отношении В. Свиридова; [заявлением Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике М. Солтаева о росте в социальных сетях националистических настроений](#); [проблемами социализации цыган](#) на примере Калужской области; приговором, [вынесенным в г. Брянске трем цыганам](#) за преднамеренное убийство; [появлением версии убийства алтарника И. Сафиуллина](#) в московском храме на почве религиозного экстремизма; [использованием азербайджанцами рабского труда местных жителей](#) в Кемеровской области; [возможной борьбой между Духовным управлением мусульман Крыма и Севастополя и Таврическим муфтиятом](#) за мусульманские общины Херсонской области; [целью и задачами, которые были поставлены перед лидерами таджикской диаспоры](#) во время их визита в г. Душанбе; [отменой запрета на проведение намаза в публичных местах](#) в Антроповском районе Ставропольского края; [дракой из-за никаба](#) в московском метро; откровениями экс-главы [узбекской диаспоры г. Москвы Б. Исмаилова об идущей «экспансии» узбеков](#) в России и планах по замене русской культуры на узбекскую; [избиением и унижением русской школьницы тремя подростками-цыганами](#) в Рязанской области; [продолжительным конфликтом между ногайцами и «Русской Общиной»](#) в п. Федоровский в Ханты-Мансийском автономном округе; [жестоким избиением в школе в г. Москве восьмиклассника](#) двумя хулиганами-

«кавказцами»; многолетним [конфликтом в с. Горнозаводское Ставропольского края жителей с цыганами](#); провокацией о якобы [запрете в России шахады](#) из-за оправдания терроризма; [нападением в г. Твери восьми чеченцев](#) на двух девушек за отказ познакомиться; рисками эскалации [межнациональной напряженности в Хакасии и Кемеровской области](#) из-за способов и методов добычи золота в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов; [антицыганскими стихийных выступлений в Алтайском крае](#); участием чувашских экстремистов-эмигрантов в [попытке совершения террористического акта в отношении экс-военкома](#) в Чувашии; очередным случаем, возможно, незаконного получения [жилищных сертификатов «новыми» гражданами России в г. Костроме](#); [вмешательством омбудсмена Чечни М. Солтаева](#) в уголовное дело об избиении подростком-чеченцем русских школьников в г. Твери, а также [активизацией черкесских организаций в Турции по недопущению принятия языковых ограничений](#) для репатриации соотечественников на Северный Кавказ.

В анализируемом отчетном периоде напряженность, катализируемая миграционными вызовами на территории России связана с [борьбой с незаконной легализацией иностранных граждан](#) на территории России; [обсуждением роста количества преступлений](#), совершаемых приезжими подростками-мигрантами; публикациями [о захвате дачных поселков гастарбайтерами из Средней Азии, наркокурьерах из стран ближнего зарубежья](#); [задержании граждан Киргизии](#) в г. Москве; [нападением приезжего школьника](#) на учительницу по математике; сообщением о [предотвращении террористической атаки на православный храм](#) в Алтайском крае.

Таким образом, в процессе мониторинга открытых источников в апреле с.г. «взрывной» характер и центральное внимание федеральных и региональных СМИ и социальных медиа ресурсов в «Telegram» привлекли информационные поводы, существенная доля которых – закономерное продолжение негативных тенденций, выявленных (диагностированных) в прежние отчетные периоды в рамках мониторинговой и экспертно-аналитической компании ЦСПИИТ за первый квартал 2025 г.

Наиболее резонансные события целесообразнее выделить в следующие тематические блоки:

[Внешний фактор эскалации межнациональных отношений в России](#)
[Миграционный маятник: конфликты и противоречия](#)
[Национализм и сепаратизм в информационном пространстве](#)
[Точки религиозных противоречий](#)
[Межнациональные противоречия](#)

Анализ наиболее резонансных событий

Внешний фактор эскалации межнациональных отношений в России

Турецкий фактор

4 апреля с.г. депутат Госдумы России А. Луговой [направил](#) официальные запросы на имя Генерального прокурора Российской Федерации И. Краснова и главе Роскомнадзора А. Липову с требованием организации правовой экспертизы деятельности турецкого издания «Yeni Şafak» на предмет выявления нарушений в его работе и содержании публикаций российскому законодательству, предложив признать издание нежелательным и заблокировать его интернет-портал на территории России. «Yeni Şafak» (в переводе с турецкого – «Новый рассвет») – консервативная исламистская ежедневная газета, основанная в 1994 г. С 1997 г. принадлежит холдингу «Albayrak Group», тесно связанному с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и [правлящей партией «Партия справедливости и развития»](#) – ПСР («Adalet ve Kalkınma Partisi» – АКР).

Следует обратить внимание, что в сегменте «Telegram» существуют два аффилированных с изданием «Yeni Şafak» ресурс-канала, это: [одноименное](#) (создан 17 апреля 2020 г., охват по состоянию на 13 мая 2025 г. – более 12 тыс. подписчиков) и «[Yeni Şafak на русском](#)» (создан 17 ноября 2021 г., охват по состоянию на 13 мая 2025 г. – более 34 тыс. подписчиков). Примечательно, что русскоязычная версия данного издания в мессенджере «Telegram» почти втрое превышает охват аудитории официального тюркоязычного канала.

Издание «Yeni Şafak» позиционируется как т.н. «голос беззащитных» и «защитник турецкого наследия», однако фактически служит прямым рупором «протурецкой» правительственной пропаганды, фокусирует внимание на поддержке внешних и внутривнутриполитических инициатив турецких властей. В 2013 г. издание [опубликовало сфабрикованное интервью](#) с Ноамом Хомским, где критика Р. Эрдогана была заменена на поддержку его политики и политического курса.

Во время протестов в связи с вырубкой деревьев в парке Гези в центре г. Стамбула (май–август 2013 г.) издание «Yeni Şafak» распространяло ложную информацию, включая беспочвенные обвинения в адрес участников демонстраций, например, о нападении на женщину в хиджабе. Позже камеры наблюдения позволили опровергнуть некоторые «громкие» заголовки турецких СМИ, включая те, что публиковало «Yeni Şafak». В 2016 г. редакция издания была связана с несколькими информационными [провокациями по «выявлению» лиц, симпатизирующих курдскому лидеру](#) – А. Оджалану. Колумнисты издания неоднократно использовали [антисемитские высказывания](#), называя евреев «вечной болью человечества», а также продвигают исламистские взгляды.

Издание активно работает на русскоязычную аудиторию через Telegram-канал и сайт, публикуя материалы о т.н. «[незаконности присоединения Крыма](#)», «[дискриминации крымских татар](#)», «оккупации» Донбасса и др. Эти тезисы подкрепляются [ссылками на западные правозащитные организации](#), такие как Amnesty International, которые, очевидно, носят ангажированный, прозападный

характер. Особого внимания заслуживает поддержка радикального исламизма – «Yeni Şafak» продвигает крайне радикальные религиозные Telegram-каналы, способствуя их распространению в российском информационном пространстве.

Издание «Yeni Şafak» систематически транслирует сведения и информацию о радикальных (экстремистских) Telegram-каналах, продвигающих сепаратизм в регионах России, включая [Северный Кавказ](#), [Татарстан](#) и [Башкортостан](#).

Газета активно [освещает военные операции Турции](#) против курдских формирований в Сирии и Ираке, обвиняя США в поддержке «террористов» из РПК. Например, в 2022 г. [она сообщила о «крупнейшей поставке оружия» от США](#) курдам, что спровоцировало критику в адрес официального Вашингтона.

По мнению депутата Госдумы России А. Лугового, газета «Yeni Şafak» стала инструментом деструктивной «антироссийской пропаганды», направленной на дестабилизацию межнациональных и межрелигиозных отношений, дискредитацию российской власти и проводимой ею государственной политики. Издание «Yeni Şafak» систематически публикует информационные материалы, направленные на подрыв социально-политической стабильности в России.

Соответственно, деятельность «Yeni Şafak» несет ряд значительных угроз. Во-первых, пропаганда сепаратизма и экстремизма: издание формирует негативный образ России среди мусульманского населения, что прямо может способствовать росту межнациональной и межрелигиозной напряженности. Во-вторых, дестабилизация внутривнутриполитической и социальной ситуации: публикации направлены на подрыв доверия к действиям российских властей, особенно в контексте специальной военной операции. В-третьих, координация с западными антироссийскими СМИ: «Yeni Şafak» действует в русле общей стратегии западных медиа, системно продвигающих русофобскую повестку.

«Yeni Şafak» – инструмент «мягкой силы», сочетающий протурецкую пропаганду, антизападную риторику и дестабилизирующие нарративы в адрес России. Деятельность издания отражает комплексную стратегию Турции по усилению влияния в регионах, исторически связанных с ней, включая Крым и Северный Кавказ. Однако эффективное противодействие требует не только блокировок, но и создания альтернативных информационных медиаплатформ, способных конкурировать с подобными проектами в информационном поле.

Представляется целесообразным применение следующих способов и мер противодействия деятельности как отмеченного выше турецкого издания, так и иных зарубежных каналов-источников информации, активно вещающих в российском информационно-медийном пространстве:

1. Блокировка издания «Yeni Şafak» на территории России необходима, но недостаточна, т.к. аналогичные структуры продолжают функционировать.

2. Уточнение пула нежелательных иностранных СМИ: требуется активнее выявлять и ограничивать деятельность враждебных медиаресурсов.

3. Контрпропаганда – эффективное противодействие требует создания разветвленной государственно-частной сети по разоблачению дезинформации и ведению информационного противоборства в масштабах, превосходящих значительно возможности западных структур.

Таким образом, деятельность «Yeni Şafak» представляет собой часть системной антироссийской кампании, направленной на подрыв стабильности в стране, особенно учитывая тот факт, что русскоязычная версия издания в «Telegram» втрое превосходит канал в «Telegram» на языке первоисточника.

Блокировка – логичный шаг, однако для долгосрочного противодействия необходимо развивать собственные медиаресурсы, способные оперативно нейтрализовать враждебную пропаганду с внешнего контура.

Миграционный маятник: конфликты и противоречия

Незаконная легализация мигрантов

В апреле с. г. в российских СМИ активно обсуждались случаи противозаконной легализации иностранных граждан – мигрантов, вскрытые в различных российских регионах. Эти инциденты не только демонстрируют ужесточение контроля со стороны властей, но и обнажают системные проблемы, связанные с коррупцией в госструктурах.

4 апреля с. г. правоохранители Ханты-Мансийского автономного округа – Югра [пресекли деятельность организованной преступной группы, незаконным способом оформившей](#) свыше 700 иностранцев. По данным следствия, [жительница г. Ханты-Мансийска](#), имеющая двойное гражданство, создала преступную сеть, куда вовлекла сотрудницу МФЦ и свою знакомую, ответственную за подготовку требуемой миграционной документации. С 2018 по 2024 гг. участники группы фальсифицировали трудовые договоры, активно регистрировали мигрантов по фиктивным адресам, ставя их на учет без фактического проживания. Сотрудница МФЦ ускоряла обработку документов, минуя стандартные процедуры. Общий доход от этой противоправной деятельности составил около 2,5 млн рублей. В отношении фигурантов возбуждены 57 уголовных дел по статьям 322.1 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за организацию незаконной миграции и фиктивную постановку на учет.

Региональные параллели: схожие ситуации.

Татарстан: 31 марта с.г. Ново-Савиновский суд г. Казани [вынес приговор мужчине](#), оформившему по подложным документам свыше 2700 иностранцев.

Свердловская область: 1 апреля с. г. [экс-сотрудница полиции г. Екатеринбурга получила 4 года колонии](#) за организацию нелегального пребывания 54 граждан Таджикистана.

Самарская область: 3 апреля с.г. огласку в СМИ получила «история» экс-руководителя отдела по вопросам миграции УМВД России по г. Самаре [А. Князева, который избегал проверок иностранных работников](#) за взятки, что позволяло им пребывать продолжительное время на территории Российской Федерации без законных оснований.

Иркутская область: 4 апреля в [СМИ появилась новость о том, что бывшая замначальника отдела трудовой миграции г. Иркутска](#) и ее сообщники обеспечили пребывание в России 63 мигрантов, нарушив миграционное законодательство.

Существенная концентрация внимания на данного рода уголовных делах в российском информационном сегменте (со стороны СМИ и социальные медиа) подчеркивает два аспекта: ужесточение мер со стороны государства и рост числа выявленных схем коррупционного характера в миграционной сфере. Участие госслужащих в подобных преступлениях – тревожный сигнал, указывающий на необходимость реформирования внутриведомственного контроля. Несмотря на успешные раскрытия многих дел, масштабы нелегальной легализации свидетельствуют, что проблема требует не только карательных мер, но и системных изменений в управлении миграционными процессами, к которым, безусловно, следует отнести недавнее создание в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» – Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Проблема незаконной легализации мигрантов на территории Российской Федерации, описанная в примерах из разных регионов, представляет собой сложный клубок системных нарушений, проявлений коррупции и определенных недостатков миграционного контроля. Участие сотрудников МФЦ, полиции и миграционных служб в противозаконной деятельности указывает на некоторую степень интеграции коррупции в соответствующую систему. Низкие денежное довольствие, недостаточный внутренний контроль и отсутствие прозрачности процедур создают почву для злоупотреблений.

Иностранные граждане – трудовые мигранты, стремящиеся работать в России, систематически сталкиваются с бюрократическими препонами, незнанием реалий действующего российского законодательства или невозможностью легализоваться законными способами, а это формирует «черный рынок» услуг по фиктивной легализации пребывания на территории России. Организаторы противоправной деятельности получают значительные доходы (например, 2,5 млн рублей в Ханты-Мансийском автономном округе), что потенциально может стимулировать к расширению незаконной деятельности. Для госслужащих взятки становятся существенным дополнением к основному заработку.

Описанные выше эксцессы по миграционной теме содержат в себе риски и угрозы для национальной безопасности России. Среди них:

1) *Угроза безопасности.* Неучтенные иностранные граждане, равно как и фиктивно легализованные трудовые мигранты могут быть вовлечены в криминальную деятельность, что усложняет контроль за правопорядком. В условиях, когда легализация мигрантов была осуществлена в нарушение или обход установленных требований миграционного законодательства, а также без каких-либо проверочных мероприятий либо осуществленных формально, кратно возрастают риски нахождения на территории Российской Федерации лиц, склонных к различным проявлениям экстремизма (прежде – религиозного), поскольку они могут быть как завербованы и задействованы в деятельности организаций экстремисткой и террористической направленности, так уже и

пребывать на российскую территорию с имеющимися контактами и связями с деструктивными радикальными структурами.

2) *Подрыв доверия к институтам власти.* Участие госслужащих в преступлениях подобного рода подрывает авторитет и доверие к институтам государственной власти и создает ощущение безнаказанности.

3) *Экономические потери.* Налоговые недоимки (из-за нелегального трудоустройства, работа в «серой зоне»), расходы на расследование дел, а также критический дисбаланс на рынке труда (конкуренция с местным населением за рабочие места, высокое представительство мигрантов в некоторых отраслях экономики, в частности в сфере услуг).

4) *Социальная напряженность.* Как ни раз упоминалось в рамках прежних экспертно-аналитических материалов на протяжении первого квартала 2025 г., рост нелегальной миграции и вытекающие из этого проблемы в виде бытовых конфликтов мигрантов с коренным местным населением, последовательный рост преступности среди мигрантов и их участие в деструктивной незаконной деятельности может лишь усилить ксенофобские настроения и межэтническое напряжение.

Активные заявления правоохранителей о раскрытии дел (57 уголовных дел в Ханты-Мансийском автономном округе, приговоры в Республике Татарстан и других регионах) свидетельствуют о попытках ужесточить политику. Однако сам факт, что преступления делятся на протяжении нескольких лет (с 2018 по 2024 в Ханты-Мансийского автономного округа), иллюстрируют недостаточную эффективность профилактических мер. Следует отметить, что меры наказания (уголовные статьи) будучи направленными на устрашение, не устраняют коренные причины – коррупцию и спрос на нелегальные услуги. Имеются и пробелы в действующем законодательстве, например, статья 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации касается только фиктивной постановки на учет, но не регулирует ответственность тех работодателей, которые нанимают нелегалов.

Таким образом, представляется целесообразными такие рекомендации для решения проблемы, как:

1) *Реформирование миграционной системы* через упрощение легальных процедур для мигрантов (например, цифровизация учета), что позволит снизить спрос на нелегальные схемы.

2) *Борьба с коррупцией* путем внедрения механизмов независимого аудита государственных учреждений, повышение зарплат сотрудникам и ужесточение наказаний за злоупотребления должностными полномочиями.

3) *Усиление межведомственного взаимодействия* путем интеграции баз данных МВД России, ФНС России и других ФОИВ, которые задействованы в управлении в сфере миграции в целях выявления фиктивных регистраций.

4) *Общественный контроль* – популяризация и стимулирование граждан фиксировать и сообщать о нарушениях миграционного законодательства через «горячие линии» или платформы обратной связи.

5) *Укрепление международного сотрудничества* через работу с ключевыми странами-донорами трудовых мигрантов (например, среднеазиатские страны Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) для регулирования потоков и обмена информацией о приезжих лицах и тех, кто пытается легализовать свой статус и правовые основания для пребывания на территории России.

Подростковая преступность среди мигрантов: новый вызов для России

Рост противоправной и деструктивной активности несовершеннолетних детей мигрантов – тревожный тренд, периодически привлекающий внимание представителей федеральных органов государственной власти и российский общественности в целом, ни единожды являлся объектом всестороннего анализа в рамках подготовки экспертно-аналитических справок настоящего формата.

Наиболее существенный резонанс в рассматриваемом периоде получил конфликт с участием подростка-мигранта в г. Санкт-Петербурге. Так, в Невском районе г. Санкт-Петербурга [произошел инцидент](#) между учителем математики школы № 338 и девятиклассником из семьи мигрантов. Конфликт, начавшийся в классе из-за нарушения дисциплины, перерос в драку на автобусной остановке у школы. Педагог в ходе словесной перепалки с учеником произнес фразу: «[Мигрант качает права](#)», что вызвало возмущение одноклассниц, вставших на защиту подростка. Согласно некоторым источникам, школьник оказался в классе случайно во [время спора учителя с другими учащимися, однако](#), педагог потребовал, чтобы он покинул помещение, что усилило напряженность. На остановке подросток, пытаясь помешать педагогу уйти, схватил его за плечо, после чего получил удар кулаком. Мать ученика 22 апреля [подала заявление](#) в полицию, обвинив преподавателя в оскорблении девочек-учениц нецензурной лексикой и агрессии в адрес ее сына.

23 апреля с.г. глава СК России А. Бастрыкин [инициировал возбуждение](#) уголовного дела по статье о хулиганстве в связи с дракой. В тот же день, 22 апреля, в СМИ активно обсуждались случаи агрессии подростков-мигрантов в школах. За два [предыдущих месяца в ряде регионов](#), включая г. Челябинск, были зафиксированы нападения на русских сверстников и эпизоды вымогательства, что побудило родителей обращаться за помощью в СК России. Анализ записи конфликта в г. Санкт-Петербурге показал, что ученики, осознавая ведение съемки, намеренно провоцировали педагога. Вероятно, что инцидент мог быть разрешен в школе, но его публичное продолжение привело к общероссийскому резонансу. Этот случай подчеркнул сложности интеграции детей-мигрантов в образовательную среду и рост межэтнической напряженности. Обсуждения в соцсетях разделили общество: одни осуждают учителя за применение силы, другие указывают на проблемы поведения подростков из мигрантских семей. Инцидент также актуализировал дискуссию о роли провокаций в эпоху цифровых технологий, когда конфликты обостряются из-за их видеофиксации и распространения в сети «Интернет».

Другим не менее резонансным событием, связанным с участием ребенка мигрантов, стало [нападение на учителя в Подмосковье](#). В поселке Мирный

(Московская область) 13-летний ученик школы № 51 нанес удар молотком по голове учительнице математики во время урока. Педагог в этот момент писала задание на доске, а подросток достал инструмент из рюкзака, подошел к преподавателю сзади и совершил нападение. После этого он покинул здание школы и скрылся в близлежащем лесу. При себе у школьника был нож, однако, согласно источникам, он его не использовал. Полицейские нашли мальчика спустя некоторое время – он находился в состоянии эмоциональной отрешенности. Обстоятельства инцидента и мотивы подростка выясняются. Учительница, пострадавшая от нападения школьника с молотком, [заявила об отсутствии конфликтов с подростком](#). Так, в беседе с главой округа В. Волковым [педагог С. Абакарова](#) отметила, что ранее у нее не возникало конфликтов с подростком. По ее словам, мальчик был дисциплинированным, способным к учебе, хотя иногда позволял себе шалости: *«сажала его за первую парту, чтобы помочь сосредоточиться. Он послушный, но мог баловаться»*.

Таким образом, оба случая (в г. Санкт-Петербурге и п. Мирный) поднимают вопросы о психологическом состоянии подростков, системе предотвращения насилия в школах и роли социальных слухов в эскалации конфликтов.

Представляется целесообразным усиление работы с детьми, включая поддержку психологов и профилактику буллинга.

Напомним, что на протяжении 2024 г. систематически фиксировались различного масштаба (распространения в СМИ и социальных медиа) и уровня (глубина, характер и критичность происшествия) конфликты с участием рассматриваемой категории лиц:

- [Челябинская область, г. Челябинск, широкий общественный резонанс вокруг инцидента](#), где учащиеся СОШ № 30 (филиал) – дети мигрантов из Таджикистана регулярно проявляют агрессию в отношении своих сверстников;
- [Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Новый Уренгой, издевательства и избиения детьми](#) мигрантов из Азербайджана своих сверстников;
- [Ленинградская область, пгт. Янино-1, частые жалобы на детей мигрантов, учащихся в Янинском центре образования](#), которые, со слов местных жителей, избивают русских сверстников в учебном заведении, а директор школы А. Зюзин прикрывает эти действия ([А. Зюзин является уроженцем г. Львова](#) и его уже несколько раз подозревали в русофобии);
- [Приморский край, г. Владивосток, избиение 9-летника ребенка](#) подростком из Узбекистана;
- [Московская область, г. Мытищи, противоправное поведение подростков-мигрантов](#) (систематические избиения несовершеннолетних лиц в г. Мытищи [т.н. «детским шариатским патрулем»](#) – подростковой бандой);
- [Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нефтеюганск, жестокое избиение](#) несовершеннолетнего мальчика детьми мигрантов;
- [Ростовская область, г. Аксай, дети мигрантов избили](#) на спортплощадке юных жителей города;
- [Свердловская область, г. Екатеринбург, дети мигрантов избили](#) мальчика во дворе в жилищном комплексе (ЖК) «Абрикос»;

– [Тверская область, г. Тверь, противоправные действия – вандализм детей мигрантов](#);

– и другое.

По данным, [представленным руководителем СК России А. Бастрыкиным](#), за 2024 г. количество особо тяжких преступлений, совершенных рассматриваемой категорией лиц (несовершеннолетними детьми мигрантов), возросло на 82%. Подобная динамика актуализирует вопрос эффективности действующих мер адаптации, интеграции и контроля за мигрантами и их детьми.

Говоря о «статистическом портрете» проблемы преступности среди детей мигрантов, следует отметить, что в 2024 г. подростки-мигранты совершили 381 преступление против 353 в предыдущем периоде (2023 г.), т.е. рост на 8%. Количество особо тяжких преступлений выросло с 66 до 120 фактов, включая семикратное увеличение убийств (с 1 до 7) и инциденты с летальным исходом от нанесения тяжких травм. По словам А. Бастрыкина, преступления часто носят групповой и этнически мотивированный характер: банды приезжих подростков умышленно нападают на сверстников «славянской внешности», осуществляя видеозапись издевательств и, в последующем, публикуя их в социальных сетях.

Председатель СК России акцентировал необходимость усилить надзор за пребыванием несовершеннолетних мигрантов в публичных пространствах и запретить их въезд на территорию России без законных представителей.

Российские политики предложили радикальные меры. [Председатель ЛДПР Л. Слуцкий призвал](#) ввести правовой институт депортации семей мигрантов при повторных нарушениях закона их детьми. [Учредитель медиахолдинга «Царьград» К. Малофеев связал](#) кризис с массовым въездом детей трудовых мигрантов, указав на пробелы в миграционном законодательстве. В частности, из-за несовершеннолетнего возраста многие иностранные подростки избегают даже административной ответственности.

Тема вызвала бурные обсуждения в цифровом пространстве:

- 148,3 млн пользователей охвачены материалами в СМИ;
- 63,1 млн – публикациями в соцсетях (77 постов);
- 45,7 млн – сообщениями в «Telegram» (174 упоминания).

Следует заметить, что анализ тональности в социальных медиа указывает на тот факт, что критика в адрес власти нарастает: граждане требуют не просто констатировать проблемное поле, но и найти системное решение. Отсутствие прогресса за годы обсуждений подпитывает недовольство, превращая вопрос в острый социально-политический конфликт.

Несовершеннолетние мигранты, в особенности прибывшие без родителей либо попечителей, зачастую оказываются вне зоны действия эффективных профилактических мер, а отсутствие действенных программ адаптации ведет к их маргинализации, формированию замкнутых подростковых сообществ с агрессивными и/или криминальными (деструктивными) наклонностями.

Следует заметить, что демонстративная публикация противоправных действий, а также преступлений в соцсетях усиливает их резонанс, провоцируя подражание и эскалацию насилия. Таким образом, проблема требует не только

карательных мер, но и пересмотра миграционной политики – от ужесточения правил въезда до создания инфраструктуры для социализации (интеграции / адаптации) детей мигрантов. Без этого тренд на рост подростковой преступности может перерасти в масштабный кризис межнациональных отношений.

Проблема агрессивного поведения детей (подростков) из мигрантских семей неоднократно была предметом анализа в экспертных исследованиях. Факторами, провоцирующими такие формы поведения, выступают:

1. *Социальная изоляция.* Так, подростки-мигранты часто сталкиваются с отчуждением в непривычной культурной среде, что подталкивает их к поиску «своих» групп, предлагающих чувство принадлежности и безопасности через разделение этнической или религиозной идентичности.

2. *Экономическая уязвимость.* Финансовые сложности семей, безработица родителей и низкий уровень жизни способствуют формированию протестных настроений и нарушению функционирующих в обществе норм.

3. *Культурный конфликт.* Различия в традициях, религиозных практиках и нормах поведения порождают взаимное непонимание как внутри молодежных мигрантских сообществ, так и в их взаимодействии с местным населением.

4. *Дефицит социальных связей.* Отсутствие крепкой семейной поддержки и интеграционных механизмов в разы повышает риск вовлечения подростков в маргинальные сообщества, насилие становится одним из инструментов самоутверждения в окружении или замкнутом сообществе.

Ярким примером служит [феномен «детских шариатских патрулей»](#), где физическая агрессия используется для демонстрации силы, власти и контроля. Подобные действия могут быть связаны не только с групповой динамикой, но и с усвоением радикальных воззрений, воспринимаемых как способ борьбы за некую «справедливость».

Очевидно, что подобного рода происшествия усиливают межэтническую напряженность, формируя у местного населения чувство угрозы и стереотипы детей мигрантах и в целом о мигрантах. Это создает порочный круг, затрудняя интеграцию и провоцируя ответную дискриминацию.

К возможным практикам и мерам разрешения угрозы роста противоправной деятельности подростков – детей мигрантов, помимо ужесточения миграционного законодательства, следует отнести: внедрение образовательных программ по медиации и толерантности для подростков; создание системной поддержки мигрантских семей (языковые курсы, помощь в трудоустройстве, доступ к социальным услугам); прозрачное сотрудничество правоохранительных органов с диаспорами для профилактики преступности.

Агрессия подростков-мигрантов часто направлена на представителей неформальных субкультур, чей стиль жизни (внешний вид, поведение, «образ мысли») воспринимается как вызов или угроза традиционным устоям народов, представителями которых являются дети мигрантов. Данное противостояние демонстрирует экзистенциальные противоречия между «консервативными» нормами, акцентирующими коллективную идентичность, и индивидуалистическими ценностями, поощряющими самовыражение.

Таким образом, для решения рассматриваемой проблемы – преступности среди детей мигрантов – требуется многоуровневый подход, который сочетает профилактику, социальную интеграцию и правовое регулирование. Успешная адаптация мигрантов и их детей возможна только при создании инклюзивной среды, снижающей риски маргинализации и укрепления взаимопонимания между разными этнорелигиозными сообществами внутри единого социального организма.

Таджикская «мягкая сила» на полях миграционной повестки

9 апреля с.г. министр труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан [С.Холмахмадзода провела встречу](#) с представителями таджикских диаспор в России. Мероприятие прошло в рамках плана по взаимодействию с соотечественниками, проживающими за рубежом (2021–2025 гг.), приуроченного к национальным праздникам – Наврузу и Дню независимости Таджикистана.

На встрече обсуждались задачи диаспор: поддержка трудовых мигрантов (правовая помощь соотечественникам, легализация документов, трудоустройство), содействие развитию Таджикистана, сохранение культурной идентичности (язык, традиции) и укрепление связей с исторической родиной. Министр подчеркнула роль 67 официально зарегистрированных в России таджикских организаций, действующих при поддержке официальных властей Таджикистана, включая тех, кто имеет российское гражданство. Деятельность диаспор легализована в России в соответствии с федеральным законом «О национально-культурной автономии» 1996 г., хотя в текущих геополитических условиях это вызывает вопросы.

Цели властей Таджикистана:

- *экономическая зависимость*: основной мотив – управление трудовой миграцией, критически важной для экономики Таджикистана ([до 45% ВВП страны – переводы мигрантов](#)). Диаспоры выступают инструментом защиты прав мигрантов, что снижает социальную напряженность внутри страны;

- *культурно-политическое влияние*: сохранение идентичности и лояльности диаспор позволяет таджикским властям использовать «мягкую силу» среди мигрантов, включая обладателей гражданства России, что может использоваться для лоббирования национальных интересов (например, смягчение миграционного законодательства Российской Федерации);

- *инструмент развития*: призыв к диаспорам инвестировать в развитие исторической родины иллюстрирует попытки компенсировать относительную слабость внутренних ресурсов за счет внешней диаспоры.

Федеральный закон от 1996 г. о культурных автономиях, изначально направленный на адаптацию и интеграцию мигрантов, теперь используется для продвижения национальных интересов иностранных государств ближнего зарубежья, что создает напряженность на фоне обоснованного ужесточения миграционной политики и подозрений во «внешнем вмешательстве». Акцент на работе с таджиками, получившими российский паспорт, может восприниматься как

попытка сохранения контроля над самобытной автономной диаспорой, что противоречит идее полной интеграции мигрантов в российский социум.

Деятельность таджикских организаций в России балансирует на грани между культурной автономией и лояльностью иностранному (материнскому) государству. В условиях протекающих миграционных проблем это может лишь усилить дискурс о «пятой колонне». Рост таджикской диаспоры ([официально свыше 350 тыс.](#), по неофициальным источникам – более 1,5 млн) на фоне демографической ситуации с коренными жителями России делает диаспору значимым актором, что усиливает обеспокоенность России по поводу этнических анклавов. Мигранты и диаспоры, формально интегрированные в России, могут оставаться инструментом внешнего влияния. Например, давление на таджиков-[россиян во время протестов в Горном Бадахшане](#) (2022 г.) показало, что власти Таджикистана готовы использовать диаспору для подавления инакомыслия даже за рубежом.

Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 1996 г. де-факто легализует «иностранное влияние», что несколько противоречит тренду на ужесточение государственного контроля над деятельностью НКО (иностранные агенты, закон об «нежелательных организациях»).

Вопросы положения диаспор, а также проблемы, связанные с их теневой деятельностью, существенно обостряют проблематику формирования этнических анклавов, что не раз анализировалось в прежних экспертно-аналитических материалах – справках. Геттоизация, как формирование этнических анклавов (например, киргизские, таджикские или узбекские кварталы в г. Москве) усиливает ксенофобские настроения и создает почву для межнациональных конфликтов.

В условиях внешнего санкционного давления, текущей международной и военно-политической обстановки и, в целом, гибридной войны против России действия среднеазиатских диаспор могут быть справедливо интерпретированы как «гибридные угрозы», если их прямо курируют иностранные государства, поддерживающие связи, контакты и/или сотрудничающие с недружественными в отношении России силами и странами. Для Средней Азии «мягкая сила» через диаспоры – это рациональная стратегия выживания в условиях зависимости от России, но чрезмерная вовлеченность в дела диаспор может содержать явные риски и угрозы для национальной безопасности России, которые затребуют безотлагательных мер.

Задержание киргизских мигрантов в г. Москве: международный резонанс

11 апреля с.г. [сотрудники полиции провели плановую проверку](#) в банном комплексе «Бодрость» (Тимирязевский район г.Москвы). В ходе проведенных рейдовых мероприятий задержаны несколько десятков иностранных граждан. В отношении части из них были составлены протоколы за нарушение миграционного законодательства. Двое граждан Киргизии [были помещены](#) в центр временного содержания.

Видеокадры, на которых задержанные лежат на полу под контролем российских силовиков, вызвали волну обсуждений. Видео стало поводом для

вмешательства и протеста иностранных государств. На следующий день, 12 апреля с.г. [представители посольства Киргизии](#) посетили отдел полиции, где содержались задержанные, для оценки условий и защиты граждан. Позднее, 14 апреля с.г. МИД Киргизии [вручил ноту протеста послу Российской Федерации](#) в г. Бишкеке С. Вакунову, осудив «массовые задержания». Глава МИД Ж. Кулубаев [заявил о поиске альтернативных маршрутов поставок газа](#) в обход России, связав это решение с инцидентом. [Министерство труда Киргизии потребовало](#) от российских правоохранительных органов провести тщательное расследование действий силовиков.

16 апреля с.г. МИД России [подчеркнул, что проверка](#) носила плановый характер и не была направлена против конкретной национальной группы.

17 апреля с.г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Москалькова [сообщила о начале проверки действий правоохранителей](#) в банном комплексе «Бодрость» с участием прокуратуры и миграционной службы.

Заместитель председателя комитета Госдумы России по международным делам С. Журова [назвала ультимативный тон киргизской стороны недопустимым](#), указав на необходимость диалога.

По данным некоторых источников, владелец банного комплекса – выходец из Киргизии – предоставлял банные услуги исключительно соотечественникам, запрещая вход другим гражданам России. Это стало основанием для проверки миграционного законодательства.

Инцидент нанес удар по отношениям между российскими и киргизскими властями, высветив уязвимость миграционных процессов в России. Конфликт также обострил дискуссии о регулировании миграции, этнической сегрегации в бизнесе и роли радикальных активистов в информационных войнах.

Ограничение доступа в баню только для соотечественников создало прецедент этнической изоляции, что противоречит как российским законам, так и нормам и принципам многонационального общества. Это могло стать причиной пристального внимания со стороны правоохранителей. Видеозапись с задержанием, где мигранты лежат на полу под контролем силовиков, вызвало эмоциональную реакцию: кадры были восприняты как унижение достоинства, что спровоцировало волну критики внутри России и за рубежом, прежде всего в самой Киргизии. Вручение ноты протеста и озвученная угроза пересмотреть газовые поставки через Россию указывают на попытку Киргизии использовать инцидент для политического торга, что особенно примечательно в контексте роста влияния Китая и Турции в Средней Азии. Посещение сотрудниками посольства Киргизии в г. Москве задержанных и требование объективного расследования отражают стремление киргизских властей позиционировать себя как защитника диаспоры, что усиливает ее имидж внутри страны. Инцидент в банном комплексе «Бодрость» высветил системные проблемы:

- этническая сегрегация в бизнесе как следствие слабого контроля за соблюдением антидискриминационных норм;
- несовершенство миграционной политики, сочетающей жесткие рейды с коррупционными практиками;

– уязвимость отношений России со странами СНГ, поскольку миграционные вопросы легко превращаются в инструмент политического давления.

Для стабилизации ситуации необходим комплексный подход: от мер по совершенствованию законодательства до усиления диалога с диаспорами и партнерами по ЕАЭС.

Национализм и экстремизм в информационном пространстве

Проявления национализма в Башкирии в фокусе социальных медиа ресурсов

В социальных сетях [обратили внимание](#) на наблюдаемый рост активности в Башкирии националистических групп, сопровождающийся попытками найти внутренние источники финансирования их деятельности.

3 апреля с.г. в социальных сетях Башкирии зафиксирована активизация этномобилизационных процессов националистического толка, что, как правило, служит предвестником планирования протестных акций. Ключевой фигурой в консолидации националистически настроенных активистов стала Р. Рахимова – племянница первого президента Башкирии М. Рахимова. Через ее медиаресурс [«Пруфы»](#), известный публикациями, [дискредитирующими российские власти](#) (преимущественно – региональные власти Башкирии) и [распространяющим недостоверную информацию](#), ведется координация этнических движений.

Издание входит в структуру «Синдикат-100», признанного иностранным агентом. «Синдикат-100» состоит из 25 российских т.н. «независимых медиа», включая «Новую газету», а уставная цель проекта, по замыслу ее участников, – это совместное освещение острых социальных и политических проблем страны с синхронной публикацией материалов на всех платформах для максимального охвата аудитории.

В «Синдикат-100», кроме «Новой газеты», вошли: [телеканал «Дождь»](#) (в Реестре иностранных агентов № 728), «Эхо Москвы» (в настоящий момент не функционирует), [Znak.com](#) (приостановил работу 4 марта 2022 г.), [«Такие дела»](#), ИД [«Алтапресс»](#) (г. Барнаул) (вышла из «Синдикат-100» в 2021 г.), издательская группа [«ВК-медиа»](#) ([оштрафована на 1,5 млн руб.](#) за распространение газет с обложками против специальной военной операции), газета [«Егоршинские вести»](#) (в 2022 г. в Артемовский городской суд было [передали дело «Егоршинских вестей»](#), речь шла о публикации Т. Шарафиевой [«Россия и Украина – что известно на этот час»](#), где редактор от имени редакции осуждает проведение спецоперации на Украине), издательские дома [«Имидж-пресс»](#) и [«Крестьянин»](#) (в настоящий момент не функционирует) и другие медиа-ресурсы, большинство из которых были признаны иностранными агентами либо заблокированы на территории России. Среди них значилось издание «ProUfu».

Примечательно, что [объединенная редакция издания «ProUfu» и газеты «Бонус» провела в 2021 г. ребрендинг](#), сменив название на «Пруфы», теперь все информационные площадки – сайт, газета, группы в социальных сетях и YouTube-канал выходят под указанным наименованием.

Профессиональная деятельность Р. Рахимовой тесно связана с медиаресурсом «Пруфы», который позиционируется как инструмент этнической мобилизации и критики как региональных, так федеральных властей. К основным аспектам ее роли и связей с националистическими движениями следует отнести то, что Р. Рахимова стала заметной фигурой после распространения националистических настроений в Башкирии в 2020–2025 гг., а через издание «Пруфы» продвигается этнократическая повестка и активно критикуется [действующая власть](#) в лице главы республики Р. Хабирова.

Медиаресурс «Пруфы» [неоднократно привлекался к ответственности](#) за публикации, дискредитирующие власти и распространяющие недостоверную информацию. В частности, издание также обвиняют в возможных контактах со владелицей аптечной сети «Фармленд» А. Кальметьевой, которая, по мнению части медиаблогеров, с начала специальной военной операции [поддержала Украину](#), а также финансирует «Пруфы» через рекламные контракты, а в марте 2025 г. якобы начала [переговоры по приобретению издания](#). Некоторыми публицистами предполагается, что сотрудничество А. Кальметьевой с Р. Рахимовой могло быть простимулировано внешними деструктивными силами, заинтересованным в дестабилизации социально-политической обстановки в Башкирии. Однако, уже 4 апреля с.г. на площадке видеохостинга Rutube на официальном канале [«ПРУФЫ медиаплатформа» 4 апреля с.г. эта информация была опровергнута](#).

М. Рахимов, дядя Раили Рахимовой, остается символом «башкирского суверенитета» и авторитетной фигурой для националистов. Его правление характеризовалось этнократией – неформальным ограничением продвижения в региональных органах власти представителей нетитульной национальности. После отставки М. Рахимова в 2010 г. его команда сохранила свое влияние через фигуры, вроде Р. Сарбаева. Р. Рахмонова, вероятно, продолжает эту «линию», используя медиа для давления на нового главу субъекта Р. Хабирова. В марте 2025 г. к кампании Р. Рахмоновой [присоединился](#) М. Кульшарипов, доктор исторических наук, 84-летний идеолог башкирского «национального движения», [обвинивший Р. Хабирова в эскалации конфликта в Баймаке](#).

С экспертно-политологической точки зрения деятельность Р. Рахимовой вписывается в противостояние «старой» и «новой» элит Башкирии. Например, Р. Хамитов, назначенный главой Башкирии в 2010 г., проводил последовательную политику интеграции (синхронизации управленческих решений) с федеральным центром, что вызывало сопротивление сторонников М. Рахимова. Например, он [отказался от этнократической модели](#) и [поддержал добровольное изучение башкирского языка](#), что обозлило националистически ориентированных жителей Башкирии. Следует заметить, что еще в 2009 г. М. Рахимов [открыто критиковал](#) федеральные власти. Р. Рахимова и ее «партнеры» используют [языковой вопрос](#) и этнические мифы о [«священных символах»](#) (например, гора Тратау) для мобилизации максимального количества сторонников. Вероятно, эти темы искусственно культивируются, чтобы создать образ «угнетенной идентичности». Активизация Р. Рахимовой совпала с судебными разбирательствами против нее.

Можно допустить, что ее действия направлены на эскалацию обстановки, подогрев межнациональной напряженности, особенно в случае ее возможного ареста.

Деятельность Р. Рахимовой – часть долгосрочной традиции. Башкирский национализм формировался с начала XX в., когда интеллигенция боролась за автономию и культурную самобытность. Ключевой фигурой был [Ахмет Заки Валиди, основатель Башкурдистана](#), чьи идеи до сих пор активно вдохновляют радикалов и националистов. В 1990-е гг. М. Рахимов использовал национализм для укрепления власти в регионе, создавая этнические мифы о «башкирских святынях» и контролируя местные СМИ. Р. Рахимова продолжает эту тактику, но в условиях жесткого противостояния с региональным центром, оппонирова и критикуя власти Башкирии.

Р. Рахимова – «наследница политического клана», использующая национально ориентированную риторику для политической борьбы, ее издание «Пруфы» служит платформой для этномобилизации, а связи с радикальными группами делают ее деятельность угрозой стабильности в Приволжском регионе. Трения между ее сторонниками и окружением Р. Хабирова отражает противоречие между ранней постсоветской этнократической моделью, сформированной в республике, и современной российской государственностью.

Активность Р. Рахимовой может быть связана как с личными интересами (защита в судебных процессах), так и с попыткой сохранить влияние в условиях давления на семью Рахимовых. В частности, заявления некоторых блогеров о том, что А. Кальметьева финансирует националистических медиаресурсы через рекламу, выглядит несколько противоречиво для владелицы крупного бизнеса. Если это подтвердится, мотивы могут включать политические амбиции, связи с внешними игроками или личные убеждения. Утверждение о роли внешних сил, в частности, киевского режима требует подтверждения, так как в текущих условиях Украина действительно крайне заинтересована в ослаблении России, но прямое финансирование региональных движений рискованно и сложно реализуемо.

«Пруфы» действуют сугубо как инструмент этномобилизации, используя «мягкую» националистическую риторику для обострения настроений в обществе и радикализации пассионарной аудитории. Следует отметить, что подобные издания часто эксплуатируют исторические обиды (например, противостояние кланов Рахимовых и Хабирова) для мобилизации в свою поддержку. Эскалация межнациональной напряженности в Башкирии, особенно на фоне конфликта в г. Баймаке, способно спровоцировать протесты, а возможное участие бизнес-элиты в финансировании националистов, в случае подтверждения этого факта, создает прецедент для ужесточения контроля со стороны компетентных органов государственной власти. Реальная угроза состоит в том, что любые нарративы сами по себе способны спровоцировать конфликты, даже если изначальные предпосылки преувеличены.

Точки религиозных противоречий

Религиозная провокация в Ставропольском крае

17 апреля с.г. Международная ассоциация юристов мусульман (МАЮМ) [получила письмо](#) от главы администрации Андроповского округа Ставропольского края с отзывом ранее направленного уведомления от 11 апреля, где местные власти запрещали проведение мусульманских религиозных ритуалов – намазов в общественных местах, включая одиночные молитвы, квалифицируя их как несанкционированные массовые мероприятия. За нарушения предусматривались штрафы до 300 тыс. рублей. Однако после внеочередного [заседания совета по этноконфессиональным отношениям в администрации Андроповского округа](#) Ставропольского края 17 апреля, где присутствовали представители диаспор и исполняющий обязанности министра Ставропольского края по национальной политике и делам казачества В. Калхидов, запрет был отозван.

В. Калхидов пояснил, что в регионе «нет ограничений на религиозные обряды», а штрафы «не существуют».

МАЮМ [рекомендовала мусульманам](#) избегать публичных намазов, но отметила, что одиночная молитва, не мешающая окружающим, не может быть основанием для наказания. Коллективные намазы, однако, могут трактоваться как незаконная миссионерская деятельность.

В действиях администрации могут обоснованно усматриваться признаки провокации: рассылка запрета в канун главного христианского праздника – Пасхой (20 апреля с.г.), его резкий отзыв и весьма противоречивые толкования действующего законодательства в части касающейся норм [Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ](#) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» вероятно могли быть инициированы для формирования фона межрелигиозных противоречий в Ставрополье и России в целом.

К признакам провокации следует отнести:

1. *Символический выбор времени.* Рассылка запрета за несколько дней до христианской Пасхи (совпавшей в 2025 г. у православных, католиков и армян) создает контекст межконфессиональный трений, что могло бы спровоцировать ответную реакцию как мусульман, так и христиан, особенно в регионе с крайне широкой религиозной и конфессиональной палитрой и историей конфликтов на этнорелигиозной почве (например, [столкновения в Ставрополье в 2007 г.](#)).

2. *Правовая неопределенность.* Квалификация ритуальной молитвы – намаза как «массового мероприятия» противоречит действующей правовой практике, где одиночные молитвы обычно не требуют никакого согласования с местными органами власти. Резкий отзыв документа после реакции МАЮМ и совещания указывает на изначальную необоснованность запрета. Власти сначала угрожали штрафами, а затем отрицали их существование, что способно в той или иной мере подрывать доверие к институтам и создает почву для слухов.

Однако возникает вопрос относительно конкретизации целевой установки и назначения данной провокации: во-первых, определение границ толерантности, путем проверки реакции мусульманской общины и гражданского общества на

ограничение религиозных свобод; во-вторых, раскрутка резонанса в СМИ, через создание резонансного информационного повода для дискуссии о «растущем влиянии ислама» или, совершенно наоборот, «дискриминации мусульман»; в-третьих, отвлечение внимания, маскировка (перефокус) других существенных проблем в Ставрополье (экономических, коррупционных) через искусственную раскрутку «религиозного вопроса».

Примечательно, что МАЮМ заняла достаточно выдержанную и сдержанную позицию, избегая прямого конфликта. Ее рекомендации («избегать публичных намазов») могут быть попыткой снизить напряженность, но вместе с тем отражают некоторый страх потенциальной маргинализации мусульман в регионе.

В Ставропольском крае с преобладающим русским населением и сложной историей взаимодействия с мусульманскими общинами (чеченцы, дагестанцы, ногайцы) всякого рода ограничения и запреты религиозных практик, ритуалов и традиционных верований воспринимаются остро, а упоминание «казачества» в структуре администрации (исполняющий обязанности министра Ставропольского края по национальной политике и делам казачества В. Калхидов) добавляет этнополитического подтекста, поскольку казачьи организации часто выступают против «исламизации» края.

Широкий общественный резонанс, придавший ситуации федеральный характер, был связан с заявлением главы Чечни Р. Кадырова, [который резко раскритиковал](#) первое распоряжение администрации Андроповского округа Ставропольского края, запрещающее публичное совершение намазов, назвав его «малограмотным», «опасным» и «абсурдным». Он подчеркнул, что документ, приравнивающий ритуальные молитвы к несогласованным массовым акциям и предусматривающий штрафы, является «правовым беспределом» и формой дискриминации мусульман. Р. Кадыров обратил внимание на географический и исторический контекст, где Ставрополье граничит с республиками Северного Кавказа, большинство населения которых традиционно исповедует ислам. Он назвал действия региональных властей провокационными, подрывающими межконфессиональный мир, и предложил вместо запретов строить мечети, что, по его словам, не делается.

Нельзя не упомянуть прошлогоднюю дискуссию о запрете или временных ограничениях на ношение религиозных атрибутов – «никабов» в ряде регионов, включая [Дагестан](#), [Северную Осетию](#), [Карачаево-Черкесию](#). Тогда ограничения мотивировались соображениями безопасности и предотвращения конфликтов в образовательных учреждениях, чеченские власти осудили названные меры как противоречащие конституционному праву на свободу вероисповедания.

Критика Р. Кадырова демонстрирует противоречия между региональными инициативами и федеральными гарантиями религиозных прав, подчеркивая высокие риски роста напряженности в полиэтнических и многоконфессиональных регионах России.

Фактический запрет исполнения намазов противоречит нормам статьи 28 Конституции Российской Федерации (свобода вероисповедания), а трактовка

коллективных молитв в качестве «миссионерской деятельности» (статья 24.1 [Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ](#) «О свободе совести и о религиозных объединениях») спорна, т.к. миссионерство предполагает активное привлечение новых адептов, а не исполнение обряда как такового.

Действия администрации Андроповского округа Ставропольского края содержат признаки запланированной провокации (требует подтверждение), может быть направлена на подрыв межрелигиозных отношений в Ставрополье. Однако нельзя исключать и общую некомпетентность чиновников, не знающих нюансов действующего законодательства. В любом случае, инцидент выявил системные проблемы:

- недоработанность этнорелигиозной политики в регионах с этническим, религиозным и конфессиональным многообразием;
- высокие риски инструментализации религии в политических целях как местными элитами, так и деструктивными внешними силами, которые выражают особую заинтересованность в инспирировании различного рода конфликтов и эксцессов, направленных на разобщение российского социума;
- рост взаимного недоверия между религиозными сообществами, что может быть использовано внешними силами для подрыва социально-политической стабильности в России.

Никаб: новые противоречия в призме инцидента в московском метро

15 апреля 2025 г. Щербинский районный суд г.Москвы в лице [судьи Д.Сальниковой признал](#) писательницу и фотожурналистку [Н.Медведеву виновной](#) за мелкое хулиганство. Ей назначили семь суток административного ареста за инцидент 31 марта 2025 г. в метро на станции «Филатов Луг».

Н. Медведева 30 лет назад работала в журнале «Огонёк» фотожурналистом, [в июне 1995 г. была в числе заложников у чеченских террористов в г. Буденновске](#), пойдя добровольно в заложники, чтобы террористы освободили других людей. Суд установил, что Медведева «оскорбительно приставала к пассажирке» в никабе, вела видеосъемку на планшет и пыталась публично снять с нее одежду – религиозный атрибут, игнорируя поступающие замечания окружающих.

Н. Медведева свою вину отрицает, утверждая, что вела видеофиксацию «подозрительных лиц» – мужчину и женщину в никабе, а конфликт спровоцировал спутник пассажирки. Судья Д. Сальникова, [вынесла приговор](#) и гражданину России М. Ибодуллозуде, выходцу из Таджикистана. Его признали виновным по той же статье за то, что он выбил планшет из рук Н. Медведевой, получив 13 суток ареста. В материалах дела отсутствуют данные о повреждении гаджета или избиении Н. Медведевой. Также не упоминается, были ли зафиксированы телесные повреждения, приобщенные к делу результаты медосвидетельствования.

Никаб, наряду с публичным намазом, остается одним из самых спорных элементов мусульманской атрибутики в России, нехарактерным для местных исламских традиций. При этом на фоне ужесточения запретов на ношение никаба в Средней Азии, Сирии и других странах с мусульманским населением,

отсутствие аналогичных запретительных мер в России вызывает обоснованные вопросы у населения общества.

Именно этим, отчасти, обусловлена крайне резкая реакция на приговор Н.Медведевой в федеральных и региональных СМИ, а также в соцсетях. Пользователи и журналисты выражают явное недоумение, почему российские власти, вопреки глобальным тенденциям, не вводят четких ограничений, что провоцирует бытовые конфликты, подобные инциденту в местах скопления людей и общественном транспорте. Данная ситуация подсвечивает противоречия между светскими нормами, религиозными практиками (хотя важно оговориться по тому, что данная атрибутика не имеет отношения к исламским традициям в России) и правом на безопасность, усиливая риски социальной напряженности в поликонфессиональном обществе.

Различные конфликты и трения, порожденные как ношением никаба, так и острыми дискуссиями вокруг пределов и возможностей его полного запрета в России ни единожды были в центре предметного анализа экспертно-аналитических материалов подобного рода, что прямо свидетельствуют и отражают тлеющее в российском социуме напряжение, в ряде случаев – открытую неприязнь к фактам ношения никабов в местах скопления людей и общественном транспорте.

Так, в августе 2024 г. была проанализирована ситуация, связанная с тем, что в июле 2024 г. муфтияты [Дагестана](#) и [Карачаево-Черкесии](#) ввели временный запрет на ношение никаба, мотивируя это угрозами безопасности. Инициатива тогда поступила от Министерства по национальной политике и делам религии Дагестана, [поддержана заместителем муфтия А.Салимовым](#) как мера защиты населения. Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) выступил с [«Заявлением относительно “хиджаба” и “никаба”](#)», четко разграничив хиджаб (допустимый, с открытым лицом) и никаб (который, не соответствует традициям российского ислама).

Согласно КЦМСК, *«исламская религия предписывает закрытие частей тела за исключением лица, кистей рук и ступней ног, то есть предписывает ношение так называемого «хиджаба», где лицо остается открытым»*. Соответственно, речи о запрете хиджаба нет, учитывая тот факт, что российское законодательство не ограничивает его ношение и, более того, разрешает фотографирование в нем для получения паспорта. Так, КЦМСК постановил: *«считать в современных условиях в России ношение никаба, паранджи и т.п. скрывающих лицо головных уборов наносящим практический вред мусульманам, угрожающим раздором в межрелигиозных и межнациональных отношениях»*. [Роспуск отдела фетв муфтията Дагестана](#) (после его заявления о недостаточности оснований для запрета) обнажил раскол в мусульманском духовенстве. Радикальные группы в соцсетях активизировались, поддерживая противников запрета и угрожая его сторонникам. Часть имамов использовала дискуссию о запрете для привлечения радикально настроенных прихожан, чтоб усилить поляризацию общества.

[Нападение 9 августа 2024 г. на полицейских в Дагестане](#) (подозреваемый в никабе) обострило споры о необходимости запрета. Это событие, наряду с

терактами в «Крокусе», г. Ростове-на-Дону и Дагестане (июнь 2024 г.), усилило связь никаба с угрозами безопасности в общественном сознании.

Запреты на сокрытие лица [действуют в части стран Европейского Союза, Средней Азии \(Таджикистан, \[Узбекистан\]\(#\)\)](#) и ряде исламских мусульманских стран (например, Египет, Тунис, Индонезия). В России отсутствие федерального регулирования вызывает критику, особенно после роста преступности среди мигрантов и террористических актов.

[Никаб исторически не характерен для народов России](#): его связывают с радикальными течениями (например, ханабалитский мазхаб) и использованием террористами для маскировки. Хиджаб, напротив, считается традиционным и защищается конституционным правом на религиозную свободу, но эксперты предупреждают, что дискуссии о запрете никаба могут «перекинуться» и на хиджаб, спровоцировав межрелигиозные конфликты.

В настоящее время в субъектах Северокавказского региона наблюдается процесс замещения традиционных этнокультурных ценностей радикальными религиозными нормами и установками. Молодежь, сталкиваясь с социально-экономическими проблемами, становится мишенью для вербовки через соцсети, подпольные школы и неконтролируемые медресе. Следует отметить характер системности проблемы ношения никаба. Поскольку после 1990-х гг. исламское образование в России развивалось весьма хаотично, с участием зарубежных проповедников, это способствовало распространению радикальных воззрений. Сохраняются проблемы низкого уровня подготовки имамов, конкуренции между официальными и неофициальными медресе, отсутствия достаточного контроля за «подпольными» религиозными образовательными учреждениями (например, [инцидент в г. Уфе с нелегальным обучением детей](#)).

Еще в 2013 г. Президент России В. Путин [призывал усилить исламское богословское образование для противодействия экстремизму](#). Однако слабая интеграция светских и религиозных институтов сохраняет риски в данной сфере.

Возвращаясь к анализу конфликтной ситуации, связанной с ношением никаба и судебными решениями по делам Н. Медведевой и М. Ибодуллозуды, отметим, что происшествие вызывало условный раскол в социуме. Сторонники запрета видят в никабах угрозу общественной безопасности, ссылаясь на опыт других государств, а инцидент с Н. Медведевой воспринимается как пример «справедливого сопротивления». Противники запрета (преимущественно это ортодоксальный исламские организации) акцентируют внимание на нарушении свободы вероисповедания и дискриминацию. Примечательно то, что [Муфтий г. Москвы предупреждал](#), что запрет якобы усилит напряженность в обществе.

Реакция в СМИ и социальный медиа на приговор Н. Медведевой отражает поляризацию общества. Например, издания, тяготеющие к националистической и патриотической повестке, называют решение суда [прямым «пособничеством радикалам»](#), тогда как правозащитники критикуют отсутствие защиты прав женщин. Отсутствие четких норм и правил провоцирует конфликты на бытовом уровне, как в случае с Н. Медведевой, где граждане берут правосудие в свои руки, что создает дополнительные угрозы роста ксенофобии и межэтнической

напряженности в России. В частности, упоминание рецидива М. Ибодуллозуды без какой-либо конкретики усиливает ксенофобные настроения, формируя образ «опасного мигранта». При подготовке данного экспертно-аналитического материала и анализа источников в сети «Интернет» тезис некоторых СМИ и социальных медиаресурсов о том, что М. Ибодуллозуда ранее подвергался административной ответственности, не нашел своего подтверждения.

Освещение подобных инцидентов в информационном поле неминуемо усиливает националистические настроения. Существуют риски стигматизации всей уммы в России, особенно мигрантов из Центральной Азии. Общественная реакция на приговор Н. Медведевой – сигнал недоверия к правосудию, особенно среди консервативной части социума, которое поддерживает «традиционные ценности». Поляризованные стороны могут быть использованы в политических целях (например, для мобилизации «патриотического электората» или дискредитации миграционной политики), ситуация может стать катализатором того, что религиозные организации начнут прибегать к весьма радикальным интерпретациям происходящего как «преследование мусульман» или «отказ от защиты традиционных ценностей».

Угрозы и риски для межнациональных отношений. Эскалация бытовых конфликтов на религиозной и этнической почве в общественных местах. Рост протестных настроений среди части исламской молодежи, особенно на фоне усилившегося контроля в странах происхождения. Социальная поляризация: усиление разлома «русское большинство» – «мигрантское меньшинство» при отсутствии адекватного диалога и просветительской работы. Угроза радикализации: маргинализированные мусульманские группы могут попасть под деструктивное влияние экстремистских проповедников, играющих на теме т.н. «притеснения».

Непринятие конкретной позиции (запрета никабов) способно подорвать доверие к институтам государственной власти. Например, в части республиках Северного Кавказа региональные запреты носят рекомендательный характер, что не решает проблему идентификации лиц в никабах.

Таким образом, представляется целесообразным принятие федерального закона (либо принятие поправок в отраслевое законодательство), регулирующего ношение закрывающей лицо одежды в общественных местах с исключениями для религиозных практик (по аналогии с Францией или Таджикистаном), в т.ч. разъяснительная работа по культурно-историческим аспектам ислама в России, где традиционный хиджаб не включает закрытие лица. Вместе с тем высока вероятность того, что вырастет отчуждение между традиционным исламом в России и носителями салафитских или иных консервативных течений, усиливая внутриконфессиональные разногласия и противоречия в толковании Корана.

Инцидент с Н. Медведевой высветил системную проблему: отсутствие внятной политики в отношении религиозной атрибутики в одежде, которое ведет к росту социальной напряженности и подрыву доверия к институтам власти и системе правосудия. Для предотвращения эскалации конфликтов необходим эффективный баланс между безопасностью и защитой прав граждан, подкрепленный четкими правовыми нормами и диалогом с обществом.

Межнациональные противоречия

Межнациональные трения в подростковой среде

21 апреля с.г. в московской школе № 2120 произошло [жестокое нападение](#) на ученика 8 класса. Двое девятиклассников, идентифицирующих себя как «кавказцы» (азербайджанец и осетин, граждане России), избили подростка в школьном коридоре, нанеся ему удары ногами по голове до потери сознания и судорог. Пострадавший несовершеннолетний получил сотрясение мозга и перелом челюсти. Формальным поводом для проявления агрессии стал внешний вид жертвы – он принадлежал к субкультуре «готов», носил черную одежду и красил волосы. Однако, как отмечают сами учащиеся, истинная причина – длительное доминирование банды подростков кавказских национальностей, систематически запугивавшей других учеников и сверстников. Родители же и школьники сообщали о десяти подобных случаях, акцентируя внимание на то, что агрессоры чувствовали безнаказанность, а администрация игнорировала жалобы.

После инцидента администрация школы ограничилась лишь формальными полумерами (внутришкольный учет, беседы с родителями хулиганов), что спровоцировало массовое возмущение родительского актива школы. Родители [организовали несанкционированный митинг](#) 22 апреля, добились увольнения директора и привлечения внимания Департамента образования г. Москвы, который инициировал проверку. [СК России возбудил уголовное дело](#) по статье 213 УК РФ (хулиганство), задержав подозреваемых.

Группировка учащихся, объединившаяся по регионально-этническому признаку, использовала агрессию для утверждения собственного доминирования или превосходства, что указывает на серьезные социально-воспитательные проблемы. Возможные причины: отсутствие интеграционной политики в школе, культурные стереотипы, влияние внешней среды (семьи, сообщества), а сам факт нападения на «неформала» демонстрирует неприятие инаковости, что характерно для подростковых групп с жесткой иерархией и, вероятно, атрофированной системой ценностей. Школа не реагировала на сигналы о насилии, предпочитая скрывать проблему, что лишь привело к эскалации: агрессоры, убедившись в безнаказанности, предсказуемо усилили давление. Следует предположить, что отсутствие программ по толерантности, медиации подростковых конфликтов или работы с трудными детьми из групп риска создало вакуум, заполненный агрессией.

Родители, не получив должной поддержки от школы, использовали СМИ и публичные акции для давления на представителей власти, что также отражает дефицит доверия к административным институтам системы образования, а реакция Департамента образования г. Москвы (проверка, увольнение директора) и СК России носила запоздалый, но показательный характер – система начала действовать лишь под влиянием внешнего «шока» – импульса.

Уголовное дело по статье «Хулиганство» может не учитывать мотивы межнациональной вражды, что сильно снижает показательность наказания.

Смена директора образовательного учреждения без изменения подходов к управлению школой не гарантирует профилактики будущих конфликтов. Этот инцидент отражает часть протекающих социальных тенденций, таких как: рост националистических настроений в молодежной среде, кризис идентичности, а школа стала микромоделью, симптоматично иллюстрирующей эти процессы.

Современное общество характеризуется многообразием культур, языков и национальностей. Молодежь, как наиболее активная и восприимчивая часть общества, находится на передовой линии межнационального взаимодействия. Однако именно в молодежной среде нередко возникают межнациональные конфликты, которые могут перерасти в серьезные социальные проблемы. Именно это в целом обуславливает необходимость выработки эффективных механизмов профилактики и разрешения подобных конфликтов в школах и других образовательных учреждениях.

Причины межнациональных конфликтов среди молодежи могут быть в *низком уровне этнокультурной грамотности*, когда юные лица часто не обладают достаточной информацией об иных культурах, традициях, нормах и обычаях, что порождает стереотипы и предубеждения, в т.ч. неготовность интегрироваться в социально-культурную специфику принимающего общества либо большинства; *социально-экономическом дисбалансе* (существенные различия в уровне жизни семей представителей различных этнических сообществ взаимодействующих в одном социальном пространстве (школы, средние и высшее образовательные учреждения) могут вызывать зависть, недовольство и, как следствие, трения и конфликты); *националистическая пропаганда*, когда радикальные идеологии, распространяемые через сеть «Интернет» и социальные сети, способны влиять на неокрепшее мировоззрение и взгляды молодежи; *отсутствие позитивного межкультурного общения* (недостаток, в силу различных обстоятельств, как осознанной замкнутости, так и маргинализации, общения между представителями разных национальностей создает условия для недоверия и отчуждения).

Последствия межнациональных конфликтов в молодежной среде:

- рост ксенофобии и нетерпимости;
- формирование замкнутых этнических общин в молодежной среде;
- повышение уровня агрессии и насилия;
- подрыв общественной стабильности и безопасности.

Пути профилактики межнациональных конфликтов в молодежной среде могут строиться: *на образовательных программах* – включение в школьные и образовательные программы высших образовательных учреждений курсов по межнациональной толерантности, культурологии, истории народов; *на интерактивных проектах и межкультурных мероприятиях* – организация фестивалей, круглых столов, дебатов, студенческих обменов, направленных на развитие уважения к другим культурам; *на работа в социальных сетях и медиа* – создание позитивного контента, направленного на укрепление мира и согласия, противодействие фейковым новостям и националистическим проявлениям; *на поддержке молодежных инициатив* – поддержка добровольческих движений, мультикультурных клубов, где молодежь может развивать навыки коммуникации

и взаимопонимания; *на работе с семьей и окружением* – частое привлечение родителей, педагогов и лидеров общественного мнения к формированию повестки толерантности у молодежи; *на государственной политике*, а именно – последовательном совершенствовании законодательства против дискриминации и буллинга в образовательных учреждениях; *на развитии цифровой безопасности* – борьба с кибербуллингом и пропагандой ненависти в сети «Интернет»; *на психологической поддержке* – развитие служб психологической помощи для молодежи, оказавшейся в конфликтной среде, а также создание безопасных пространств для диалога (например, дискуссионные клубы).

Межнациональные конфликты в молодежной среде – серьезная проблема, требующая всестороннего взаимодействия. Профилактика должна включать просвещение, культурное взаимодействие, социальную поддержку и активную гражданскую позицию, она требует долгосрочных усилий на всех уровнях: от личного взаимодействия до государственной политики. Ключевая цель – формирование общества, где этнорелигиозное многообразие воспринимается как сила, а не угроза. Важно сочетать образовательные, социальные и правовые меры, активно вовлекая саму молодежь в процесс созидания мира.

Выводы

Сохранение и укрепление межнационального мира продолжает оставаться важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации.

В [Стратегии национальной безопасности](#) подчеркивается: гражданское согласие служит фундаментом устойчивости страны и должно быть обеспечено через последовательную борьбу с проявлениями экстремизма, национализма и радикальных идеологий.

В условиях растущей внешнеполитической напряженности и давления со стороны западных стран вопросы межэтнического и межрелигиозного взаимодействия становятся объектом целенаправленного вмешательства извне. Распространение экстремистских идей, попытки спровоцировать радикальные настроения и дестабилизировать ситуацию требуют усиленного экспертного контроля.

Согласно данным мониторинга в апреле 2025 г. продолжает фиксироваться рост инцидентов на национальной и религиозной почве, что подчеркивает необходимость системного подхода к предотвращению таких проявлений. В современных условиях укрепление межнационального согласия приобретает стратегическое значение, и только консолидация усилий государства, гражданского общества и органов власти может обеспечить стабильность и сохранить культурную идентичность страны перед лицом глобальных вызовов.

Одним из центральных вызовов 2025 г. является поиск баланса между сохранением культурного разнообразия и построением единого гражданского пространства. Устойчивость названного процесса во многом зависит от экономических показателей, гибкости миграционной политики и способности оперативно устранять локальные конфликты. Глобальные процессы, такие как

санкционное давление, климатическая миграция, цифровизация, трансформация трудового рынка и усиление цифровых трансграничных коммуникаций, также оказывают ощутимое влияние на межэтнические отношения и могут провоцировать рост социальной напряженности, особенно в уязвимых регионах и пригородных агломерациях.

Межнациональная сфера – это живой, изменчивый процесс, требующий непрерывного анализа и гибких решений. Для успеха необходимо сочетание охраны национального суверенитета с готовностью к диалогу между культурами. Важно своевременно реагировать на внутренние и внешние вызовы, эффективно управлять ситуацией и формировать общественный иммунитет к провокациям. Только при сочетании продуманного государственного регулирования и общественной сплочённости этническое многообразие может превратиться из потенциального источника напряженности в ресурс устойчивого развития.

Современная безопасность России в значительной степени зависит от эффективности противодействия экстремизму, радикализму и терроризму, особенно в сферах, связанных с национальной, религиозной и политической идентичностью. Основное внимание уделяется профилактике вовлечения молодежи в радикальные движения, нейтрализации деятельности экстремистских объединений, а также контролю за распространением враждебной информации в цифровом пространстве. Особую тревогу вызывает рост вербовочной активности в социальных сетях и мессенджерах, где идет подмена понятий, романтизация насилия и деструктивная критика государственной политики в национальной сфере.

Рост миграции из стран Средней Азии и постсоветского пространства продолжает влиять на социальную структуру крупных городов. По состоянию на апрель 2025 года, проблемы адаптации мигрантов, в частности их детей, сохраняются в числе основных причин напряженности. К ним относятся трудности интеграции в культурное и правовое пространство, языковой барьер, низкий уровень правовой грамотности и участие мигрантов в теневой экономике. Это приводит к фрагментации общественного пространства, росту бытовых конфликтов, усилению недоверия между различными группами населения.

На фоне специальной военной операции наблюдаются попытки внешнего влияния, направленные на дестабилизацию за счет использования этнических и религиозных различий. Среди главных угроз можно выделить:

1. Активную пропаганду экстремистских идей через цифровые каналы сети «Интернет», включая попытки радикализации молодежи.

2. Распространение нарративов о «неоправданных потерях» среди представителей отдельных регионов страны – таких, как Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь и Дальний Восток – с целью усиления протестных настроений.

3. Целенаправленные информационные атаки, направленные на подрыв доверия мусульманских сообществ к государственным структурам.

4. Попытки международных правозащитных организаций сформировать образ России как страны, крайне несправедливо относящейся к этническим и религиозным меньшинствам.

Решение этих проблем требует многоуровневого и междисциплинарного подхода. Приоритетом должны стать системные меры, включающие:

- укрепление института гражданства как основы объединения разных культур под единым правовым полем;
- расширение правового и культурного просвещения, особенно среди молодежи и мигрантов;
- внедрение программ межкультурного обмена, а также совместных социокультурных проектов;
- развитие локальных институтов медиации, способных гасить конфликты на ранних стадиях;
- поддержка и «мягкий» контроль за этническими диаспора в направлении самоорганизации и сотрудничества с государством.

Укрепление межнационального и межконфессионального согласия остается краеугольным камнем общественной стабильности. Важно наращивать диалог между властью и гражданским обществом, повышать качество управления в регионах, использовать потенциал цифровых технологий для мониторинга и оперативного реагирования на вызовы в этнической сфере. Особое внимание следует уделить формированию позитивной повестки в СМИ, социальных сетях и медиа ресурсах, противостоящей манипуляциям и провокациям.

Развитие этнокультурного диалога, борьба с дискриминацией и уважение к культурному многообразию являются не только гуманитарной задачей, но и важным элементом государственной стратегии развития. Только в условиях равного доступа к правам, возможностям и уважения к различиям можно сформировать подлинное единство, основанное не на принуждении, а на общих ценностях и уважении к закону.

Таким образом, задача укрепления межнационального мира в России должна решаться стратегически – с опорой на данные аналитики, научные рекомендации и широкое участие общества. Только интеграция усилий на всех уровнях – от муниципалитетов до федеральных структур – позволит превратить этническое многообразие России в прочный фундамент ее национального единства и суверенного развития.

ЦСПИИТ РГГУ